

Ложь романтизма и правда романа. РЕНЕ ЖИРАР. ПЕР. С ФР. А. ЗЫГМОНТА. МОСКВА: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2019. (СЕРИЯ «STUDIA RELIGIOSA»); ISBN 978-5-4448-1103-0 (ТВ. ПЕР.); 352 с. 340.00 УАН *

DOI: 10.29357/2521-179X.2020.24.18

Рене Жерар достаточно хорошо знаком отечественному заинтересованному читателю своими исследованиями в области религии и насилия. На русский язык уже вышли почти все главные произведения этого философа и литературоведа: «Козел отпущения» (Издательство Ивана Лимбаха, 2010); «Насилие и священное» (НЛО, 2010); «Критика из подполья» (НЛО, 2012); «Достоевский: от двойственности к единству» (ББИ, 2013); «Я вижу Сатану, падающего, как молния» (ББИ, 2015); «Вещи, сокрытые от создания мира» (ББИ, 2016); «Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шартром» (ББИ, 2019), готовится к изданию «Театр Зависти. Уильям Шекспир».

В книге «Ложь романтизма и правда романа» Жирар начинает разрабатывать концепцию миметического желания. Название книги уже служит ее объяснением: роман говорит правду, а романтизм – ложь. Читателю остается только открыть книгу и прояснить для себя, какую ложь содержит романтизм, и каким образом роман ее разоблачает. Автор не заставит себя долго ждать с объяснениями. Как и романтизм, роман повествует о желаниях своих героев. Жирар замечает, что в большинстве романтических произведений желание персонажей устроено довольно просто. Если природы желаемого недостаточно для объяснения возникновения желания, тогда обращаются к желающему субъекту: «ему выдумывают психологию или же говорят о его свободе». Главная и ошибочная догма романтизма, убежден Жирар, – вера в автономию субъекта, желание которого является «эманацией или же творением *ex nihilo* его квазибожесветного «Я». Иллюзию автономного возникновения желания в *романтических* произведениях раскрывают *романические* произведения. Этой разоблачающей роли романа посвящена вся книга автора.

Если субъект не виновен в возникновении своего желания, то кто тогда виновен? Р. Жирар убеждает нас, что медиатор. Романические произведения возвращают медиатору место, узурпированное субъектом. Первый выступает тем, чей посох, как воду из скалы, вызывает желание у второго. При этом субъект никогда не волен в пробуждении своих желаний. Их всегда пробуждает *Другой*, роль которого романтики всегда желают закамуфлировать. Медиатор, используя объект, роль которого в действительности не столь существенна, пробуждает желание у

* Статья поступила в редакцию 02.03.2020; утверждена в печать 11.04.2020.

субъекта. Отсюда и название первой главы: «Треугольное» желание. Сам процесс пробуждения желания Жирар именуется медиацией.

Во второй главе «Люди станут богами одни для других» автор рассматривает преобразующую силу желания субъекта. Отказавшись от своей привилегии желать по собственному выбору, все герои романов начинают ненавидеть себя. Но поскольку «Я» не может устоять без внешней точки опоры, а в эпоху смерти Бога Его место занято человеком, оно устремляется к *Другому*. Жирар разоблачает метафизическую автономию индивидуума, которую он называет лживым обещанием и современной «благой вестью». Автор пронзительно замечает: «Порыв души к Богу неотделим от погружения в самого себя, и наоборот — приступы гордыни неотделимы от панического бегства к *Другому*». Но столкновение гордеца с *Другим* порождает конфликт, который становится ненавистью. Потребность в трансцендентности теперь удовлетворяется внутренней медиацией: «не в силах отречься от бесконечного, *люди* выбирают себе новых богов». При этом, чем ближе к субъекту находится медиатор, тем более первый одержим вторым и тем меньшая становится между ними разница. Спектр чувств, испытываемых субъектом к *Другому*, соответствует различным аспектам религиозного чувства. В этом чувстве ложно, наиграно и искусственно все, кроме человеческой жажды священного. Открыть для себя Бога заново мы можем лишь путем отказа *Другому* в его божественном всемогуществе. Чтобы избавиться от извращенной трансцендентности, объектом которой является медиатор, романисты часто прибегают к воспоминанию. Эмоциональная память помогает нам обнаружить в себе порыв к священному, но уже без препятствия медиатора. Осознавая роль медиатора, мы осознаем и инфернальную механику желания. Только такое отречение от *Другого* приносит субъекту чистую радость и преображает его.

Третья глава «Метаморфозы желания» раскрывает другую сторону романтического треугольного желания — ту, что соединяет медиатора с объектом, то есть с желаемым. Автор подчеркивает закономерность в динамике треугольного желания: «чем ближе к субъекту находится медиатор, тем интенсивнее — страсть, и тем сильнее опустошается объект от своей действительной ценности». Свойства объекта играют лишь второстепенную роль. После того, как объектом возобладали, героя ожидает глубокое разочарование. Жирар называет такой обман метафизическим. Десакрализация объекта может привести либо к поиску нового объекта, либо к поиску нового медиатора. Второй вариант несет новые опасности для личности: умножение медиаторов (парадоксально, хотя медиаторы и умножаются, они сохраняют свое коллективное «Я») ведет неизменно к ее распаду: полиморфии «Я». Наиболее точно описал такое разложение индивидуального и коллективного бытия Достоевский. Жирар называет данное существование подпольным, занимая термин у русского писателя. Четвертая глава «Раб и Господин» указывает на «заразность» метафизического желания. Взаимный характер подражания Жирар называет двойной медиацией, в которой желания объекта и субъекта обращены зеркально друг к другу в отношениях борьбы и демонстрируют диалектику «раба и господина». Романтическая страсть представляет собой обратное тому, чем хочет

казаться: это не предание себя *Другому*, а непримиримая война двух соперничающих тщеславий. Главным предметом в поле зрения пятой главы «Красное и Черное» оказывается знаменитый роман Стендаля. На его примере Жирар демонстрирует экспансию двойной медиации в обширные сферы общественной жизни. Она проникает как в самые потаенные уголки человеческой души, так и преодолевает географические пределы государств.

В последующих главах Р. Жирар обрисовывает различные техники, использующиеся Стендалем, Прустом, Сервантесом, Флобером, Достоевским и другими писателями-романистами для разоблачения испорченности метафизического желания. Ускорению распространения медиации в обществах и странах Жирар посвящает шестую главу «Проблемы техники у Стендаля, Сервантеса и Флобера», утаиванию желания – седьмую главу «Аскеза героя», тождеству противоположностей – восьмую главу «Мазохизм и садизм», разоблачению желаний социальной элиты и бесплодной абстрактности высшего света – девятую главу «Миры Пруста».

Все же главным разоблачителем метафизического желания для Жирара выступает Достоевский. Его французский писатель без сомнения мог бы назвать *Doctor Desiderationis*. В какое бы подполье свободы и автономности романтические герои себя не спрятали, заслуга Достоевского в том, что он показывает, что все они являются фальшивками, они всего лишь «подыгрывают иллюзии автономности». Достоевский трактует одиночество и мнимую свободу героя его гордыней. Руки героя хватаются за Ничто, но это Сизифов труд, к которому «сводится вся история современного индивидуализма». Жирар считает, что правильно истолковывать творчество русского писателя – «значит найти в нем откровение метафизического желания в его наивысшей фазе». Наивысшая фаза в структуре метафизического желания, как может подозревать уже читатель, – саморазрушение, смерть и распад. Этому смертному зову покорены все герои Достоевского. Катастрофу падения Достоевский называет апокалипсисом. Но, «смерть – это истина желания, а не романического произведения». У апокалипсиса есть и светлая сторона: чем ближе герой к смерти и разрушению, тем дальше от заблуждения. Все романические герои отвергают, в конце концов «химеры, навеянные им гордыней», и отрекаются от медиатора. Отрекшись от медиатора, герой романа отрекается и от его божественности. А избавившись от божественности медиатора, герой освобождается от своей гордыни и рабства. Происходит подлинное обращение: «заблуждение уступает место истине, тревога – воспоминанию, возбуждение – отдыху, ненависть – любви, униженность – смирению, желание *от Другого* – желанию *от Себя*, извращенная трансцендентность – вертикальной». Заключительная, двенадцатая глава книги «Концовка» как раз и повествует об обращении героя романа в его концовке.

Итак, в чем же польза от этой книги? Она многосторонняя. Во-первых, Рене Жирар невольно сам выступает медиатором и пробуждает у своего читателя желание читать тех, о ком он пишет: Пруста, Флобера, Стендаля, Достоевского и даже, в который-то раз, Сервантеса. Это невероятно усложнит чтение тем, на кого чары медиации Жирара подействуют неотразимо: автора этого короткого обзора то и

дело они вводили в вынужденные длительные литературные путешествия. Справедливости ради надо признать, что даже если мы не читали упомянутых писателей, то на понимание книга Жирара это мало влияет.

Во-вторых, для тех, кто заинтересуется творчеством этого талантливого автора, книга послужит хорошим введением: несмотря на то, что книга вышла в 2019, когда главные произведения Рене Жирара уже были опубликованы (см. выше), она является его первым *ouvrage*, его первой вылазкой на территорию миметического желания.

Главная заслуга книги, все же, в ее разоблачительном потенциале. Жирар с помощью анализа романа разрушает догму романтизма об автономности субъекта. Второй шаг автора – развенчивание силы медиатора и избавление от его божественной власти. Освободив нас от иллюзорной власти нас самих над собой, так и от власти медиатора над нами, Жирар подводит своего читателя к новой возможности вертикального желания. Наверно будет уместным сообщить, что книга «Ложь романтизма и правда романа» вышла из печати в 1961 году. Спустя два года в 1963 году увидит свет его второй труд «Критика из подполья». С выходом этого исследования творчества Достоевского связывают обращение Рене Жирара в католицизм. По все видимости романические произведения Достоевского возвратили Жирару Христа. А ученик, как того не скрываю Евангелия, не больше своего учителя: труд Жирара также расчищает читателю дорогу к обретению Христа, нашего божественного медиатора, Который единственный может пробудить (или обновить) в нас неутолимую жажду вечности и Бога.

*Виталий Марьяш
Киевская богословская семинария
Киев, Украина*

ORC ID: 0000-0002-7701-4895